

НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

НЕ Я

**ЁЛКА,
КОТОРАЯ
ПУРОХОД**

Настоящее время

Ая эН

Ёлка, которая пароход

«Росмэн»

2015

УДК 821.161.1-31-93
ББК 84(2Рос=Рус)1

эН А.

Ёлка, которая пароход / А. эН — «Росмэн»,
2015 — (Настоящее время)

Биофизик, кандидат наук, редактор детских журналов и сценарист Ая эН еще и замечательная детская писательница, лауреат нескольких литературных конкурсов. В повести «Ёлка, которая пароход» Ая эН, легко жонглируя временем и пространством, показывает нам, как из детских фантазий и недетских переживаний в один миг возникают параллельные миры, как нити случайностей сплетаются в почти что детективную историю.

УДК 821.161.1-31-93
ББК 84(2Рос=Рус)1

© эН А., 2015
© Росмэн, 2015

Содержание

Часть I	5
1. Петя, который жил на необитаемом острове	6
2. Как Петя ел блин и как блин елся Петей	8
3. Важные дела	12
4. Ёлка, которая пароход	15
5. Неродной	18
6. Дед Мороз	21
7. Шторм в океане	24
8. Баба-яга	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

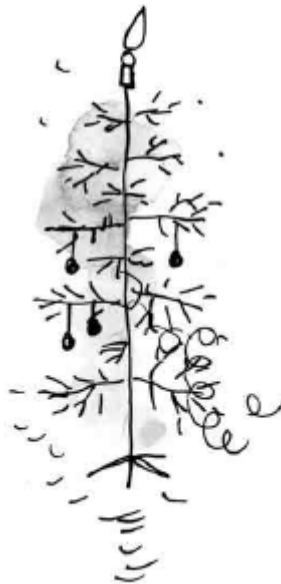
Ая эН

Ёлка, которая пароход

*Посвящается мальчишкам Роме и Теме, а также девочке А.,
которая попросила не называть ее имени.*

Часть I

3 часа 33 минуты

1. Петя, который жил на необитаемом острове

В девять тринадцать посреди океана, на одном совершенно необитаемом острове, в шкафу жил-был маленький мальчик Петя. Спал он в чемодане с лоскутками и тряпками, а ел из пластмассово-деревянной шкатулки с бабушкиными украшениями.

А мамы у Пети не было, она пекла блины на кухне.

Петя никогда не ел блинов. Он всю жизнь питался только сырой рыбой, которую ловил в океане папиным галстуком.

Один раз Петя нашел за чемоданом большую подозрную трубу. Он вытряс из нее старые чертежи и стал смотреть в океан. Смотрел-смотрел – ничего интересного, сплошная вода. Хотел было бросить, но тут – раз! – попался ему на глаза еще один остров, а на нем, прямо на диванной подушке, сидел задумчивый зеленый кот в матерчатых очках.

Тогда Петя раскрыл складную японскую кнопочную лодку черного цвета и поплыл к этому острову. Не проплыл он и половины пути, как вошла Петинамама, которой у Пети совсем не было, и сказала:

– Сейчас же положи на место папин зонт!

Пришлось Пете делать плот, да еще без единого гвоздя, потому что гвозди продавали туземцы, которые жили в гараже, а до гаража плыть еще дальше. Доплыл Петя до кота, только собрался в обратный путь – а плота нет! Его Петинамама уже повесила обратно на вешалку. Взял Петя кота, сел на подушку и гребет. По дороге кот упал за борт, и его чуть не съели дедушкины синие акулы без задников, которые случайно валялись прямо посередине океана.

Но Петя акул загнал под стол, а кота спас. Подплывают они к необитаемому острову, а остров закрыт на замок. А ключ унесла с собой Петина мама, которой ни капельки не было.

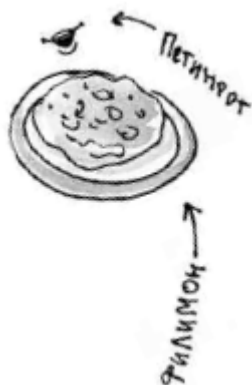
Хотел было Петя переселиться на другой остров, покрытый большим китайским покрывалом, но на этом острове в странных вышитых домиках уже жили китайцы и китаянки в длинных разноцветных одеждах. Они ходили друг к другу в гости, обмахивались веерами и не обращали на Петю никакого внимания.

А над океаном летали разные вкусные запахи. И мальчик Петя подумал, что лучше пока не переселяться к китайцам, а пойти на кухню и поиграть, как будто у него немножко есть мама.

2. Как Петя ел блин и как блин елся Петей

В девять двадцать шесть на кухне жил желтый жирный блин по имени Филимон. Он лежал на тарелке и выразительно пыхтел. А еще он нетерпеливо хлопал по тарелке, смешно приподнимая один свой бок, который был потолще. По соседству с пыхтящим блином Филимоном жил маленький Петинрот. Он висел под Петинымносом и тоже тихонечко пыхтел. Мама сказала им по очереди:

– Уважаемый блинчик, ты ведешь себя просто безобразно! Пожалуйста, прекрати пыхтеть и сейчас же полезай в ротик к моему сыночку Пете и жуйся там! А ты, ротик, сейчас же перестань сопеть и съешь блинчик, пока он горяченький.

Петя болтал ногами, сидя на пирсе, и ему не хотелось думать о блинах. Вкусного запаха для еды ведь вполне достаточно, а жевать и глотать совсем не обязательно, особенно если уже наелся сырой рыбы... А еще ему не нравилось слово «горяченький».

Под пирсом бушевали волны. Они брызгались, и приходилось уворачиваться, чтобы не намочить.

Слово «ротик» Пете тоже не нравилось.

Блин Филимон свернулся трубочкой и в эту трубочку лениво посмотрел на Петю одним глазом. Другим глазом трубочки блин стал наблюдать за Петиной мамой. Мама у Пети была большая и красивая. А Петя у мамы был худой и маленький. А рот у Пети был еще меньше, чем сам Петя.

– Этому хлюпику меня нипочем не съесть! – сказал Филимон.

– Так много в меня нипочем не влезет! – объяснил блину Петя и увернулся от очередной волны.

– Когда же по мне перестанет елозить эта попа в шортиках? – вздохнул стул, на котором сидел Петя.

Петя внимательно посмотрел на блин, потом на пирс и нахмурился:

– Дед! Так нечестно! Они не могут говорить одним и тем же голосом. И вообще! Пирсы!! Не разговаривают!!!

– Кто-кто не разговаривает? – переспросил дедушка. – Ах, пирсы... Ну да, ну да. Я просто забыл. Конечно, обычно пирсы не разговаривают. Но иногда, иногда – бывает. В крайнем случае, так сказать.

– А сейчас крайний случай?

– Сейчас крайне крайний случай, – серьезно ответил дедушка. – Предновогодний. Перед Новым годом все бывает. Перед Новым годом даже пирсы разговаривают, как блины. А про блины я уж и вообще молчу!

– Вот-вот, – вставила мама. – За столом вообще лучше помалкивать, за столом есть надо. А когда я ем, я глух и нем. Что я, зря старалась, что ли? И вертеться перестань, пока со стула не свалился!

Пирс под Петей стремительно превратился в стул, океан – в пол, а блин – в блин. От этого Петины губы стали предательски дрожать и искривляться мостиком. Не дожидаясь, пока над мостиком закапает соленый дождик, дедушка наклонился и прошептал Пете на ухо:

– Тсс! Ты же мужчина! И вспомни о мамином секрете!

Петя вспомнил, что он – мужчина, и дождик не пошел.

Самый главный секрет Петинамамы заключается в том, что она – волшебница наоборот. Антиволшебница. Это значит, что если волшебники и волшебницы стандартного типа могут из обыкновенной лампы или бутылки одним взмахом волшебной палочки извлечь самого необыкновенного джинна, то Петинамама может любого, даже самого-самого необыкновенного, джинна одним взмахом ресниц заставить послушно залезть не то что в бутылку – в первое попавшееся мусорное ведро. Да ей даже и ресницами махать не надо: при одном звуке приближающихся шагов Петинамамы джинны тут же рассеиваются в воздухе, океаны превращаются в паласы, острова – в шкафы, диваны и тумбочки, а небесные светила – в электрические лампочки.

Справедливости ради надо заметить, что Петина антиволшебница честно-пречестно старалась свои способности не использовать. Только у нее это плохо получалось. Например, она входила в комнату и говорила:

– Петенька, вылезай из-под стола, кушать пора! И скала тут же превращалась в стол. Тогда Петя говорил ей:

– Мам, ну это же скала, а не стол! Давай это не считается, ты еще раз зайди.

Мама смущалась, выходила из комнаты, заглядывала еще раз и говорила:

– Петенька, вылезай из-под скалы, пошли кушать!

– Мам! Ну как же пошли, когда океан вокруг? По-плы-ли!

– Ой, извини, – огорчалась Петинамама. – Поплыли. Ну конечно, поплыли, зайныка ты мой...

И поздно было поправлять ее в третий раз и объяснять, что Петя – не зайчика, что он – страшный голодный крокодил, который только что... Петя вздыхал, щупал исподтишка свои стремительно растущие заячьи уши и плелся на кухню грызть морковку, раз уж ему пришлось превращаться в зайчика. Но на кухне его ждала не морковка, а, например, котлеты, которые травоядные зайцы не едят. И Петя садился за стол и принимался ковырять эти котлеты, не желая огорчать свою неправильную волшебницу, которую очень-очень любил и которая все-таки была его мамой, хотя мамы у Пети никогда не было.

Вот и сейчас с пирсом произошло то же самое. Петя верил бабушке и знал: главное – делать вид, что все в порядке. Как будто ничего страшного не произошло. Тогда постепенно, со временем, мама забудет про свои антиволшебные способности, перестанет ими пользоваться, и они потихоньку исчезнут. И Петинамама превратится в обычную волшебницу. Надо только подождать и немного потерпеть. Мужчины должны уметь ждать и терпеть, а Петя был мужчиной.

– Ну, ты съешь, в конце концов, этот блин или нет? – рассердилась мама.

– Да съешь ты меня, наконец, или нет? – в тон маме спросил Филимон, второй раз за утро свернувшись трубочкой.

Петя посмотрел на Филимона и вздохнул.

– Но тебе-то для чего нужно, чтобы я тебя съел? – спросил Петя.

– Как это для чего? – удивился блин. – Да как же ты не понимаешь? На самом деле все, что есть на свете, есть не просто так, а для чего-то. Вот, например, стул. Он, по-твоему, для чего?

– Чтобы на нем сидели, – на мгновение задумавшись, ответил Петя.

– Правильно! – обрадовался Филимон. – А если на нем сидеть не будут, то он вроде как и не нужен. И другим не нужен, и самому себе не нужен. Причем сидеть на нем лучше не когда-нибудь потом, а сейчас, пока он не сломался и не испортился.

– Понятно, – протянул Петя.

– Или вот котенок, – продолжал Филимон, увидев заглянувшего на кухню котенка, – он для чего котенок?

– Чтобы с ним играли, пока он не стал кошкой! – обрадовался Петя.

- А мама для чего мама?
- Ну-у... чтобы делать блины, пока все голодные!
- А я, блин, для чего?
- Чтобы тебя съесть, пока ты горячень... горячий!
- А рот у тебя для чего?
- Да понятно, понятно! – закричал Петя.
- А если понятно, то ешь меня скорее, пока я совсем не остыл! – закричал блин.

Петя тут же схватил блин и съел его ровно за одну минуту, потому что и так уже захотел есть. Петинамама, которой по-прежнему все-таки не было, очень обрадовалась и пошла загружать стиральную машину, чтобы не оставлять на Новый год грязное белье. Дедушка тоже обрадовался и пошел читать новости в Интернете про сорвавшийся в пропасть автобус в Мексике. А пока они читали и стирали, Петя играл с котенком, еще не ставшим кошкой, и думал, для чего он – Петя?

3. Важные дела

В десять ноль десять Петинамама ушла по делам, а Петя все еще играл с котенком и никак не мог придумать, для чего же он – Петя.

Для того, чтобы съесть блин? Для того, чтобы поиграть с котенком? Для того, чтобы переселиться к вышитым китайцам? Петя решил переселиться к китайцам, а там видно будет. Но не успел выплыть из кухни, как в дверь кто-то позвонил.

– Петюш, открой!

– Ага!

Пете можно самому открывать дверь. Надо сначала влезть на табурет и посмотреть в глазок. Если там посторонний, то позвать старших. Но если там бабушка, папа, соседка или кто-то очень знакомый, то повернуть круглую черную блямбу, щелкнуть по цепочке, чтобы она соскользнула влево (у Пети уже два раза получалось сбросить цепь с первого щелчка!), а потом нажать на ручку. Ну а потом начнутся всякие: «Здрасте, тетя Марина!» и «Ух, какой ты уже большой, сам открываешь!».

На этот раз за дверью была соседка.

– Здрасте, тетя Марина!

– Здравствуй, Петенька. Взрослые дома?

Дедушка уже вышел в прихожую, поэтому отвечать на этот глупый вопрос Пете не пришлось. И он упрыгал к китайцам.

У китайцев оказалось – скукотень. У них постоянно была весна и даже почти лето. И даже Нового года не предвиделось. Тут Петя вспомнил, что, пока мамы нет, они с дедушкой должны успеть закончить открытку для мамы. В подарок. На открытке предполагалась аппликация – зеленая елка из двух три-угольников и одного просто-угольника для ствола и снеговик из трех серо-голубых кружочков. Петя выдвинул ящик, достал из него секретный конверт и вытряс на стол уже вырезанные фигурки. Еще надо вырезать небо, сугробы и солнышко. А потом все приклеить.

– Де-дааа!!! Где клее-е-ей? Дед не отзывался. Петя высунул Петиннос в прихожую и увидел, что дедушка все еще говорит о чем-то с тетей Мариной, причем тетя Марина почему-то плачет. Плачет и трет свою руку пониже плеча. Петя понял, что тетя Марина плачет оттого, что упала и ударилась локтем. Вот он сам, когда падает и ударяется, уже никогда теперь не плачет. Только трет ушибленное место и ни разу не плачет. Но тетя Марина ведь тетя, значит, бывшая девочка, а девочкам можно плакать.

– Дед, ты клей не видел?

– Поищи в столе, – на мгновение отвлекся на Петю дедушка и опять повернулся к ушибленной тете Марине.

«Такая большая, а из-за ерунды плачет!» – все-таки неодобрительно подумал Петя и вернулся к столу. В столе клея не было.

– Дед! Тут нету!

– Петя, не мешай нам, пожалуйста. У нас серьезный разговор! Поиграй пока сам. – И дед опять повернулся к тете Марине.

Потом дедушка взял ее за другой локоть (наверное, не ушибленный), увел на кухню и закрыл дверь так, что Петя перестал их видеть и слышать. Он обиделся и вернулся на свой необитаемый остров. К счастью, остров оказался не заперт. Петя взял с собой кота, а дедушкиных акул загнал поглубже под диван. И решил ни за что больше не вылезать из шкафа. И даже двери за собой прикрыл. У него на острове теперь будет вечная полярная ночь, вот так! Потому что это самый северный ледовитый остров в мире, вот так вот!

В десять тридцать три в остров постучали.

– Петр, вылезай! – сказал дедушка. Петя высунулся. На дедушке вместо домашнего медвежьего халата были уличные брюки и свитер. За дедушкой стояла Вика, тети-Маринина дочка. Вика была, во-первых, некрасивая, во-вторых, ходила во второй класс, и с Петей они поэтому не дружили. То есть Петя с ней не дружил. Он вообще, когда поселился на острове, решил особенно с девочками не дружить.

– Здравствуй, Петя! – сухо произнесла Вика и откинула за плечо косичку.

Петя смотрел на Вику и молчал. Вместо того чтобы напомнить Пете, что он должен поздороваться, дедушка сказал:

– Петя, мы с тетей Мариной должны поехать в одно место, это очень важно. Вы с Викой остаетесь одни. Вика будет за старшую.

Петя растерялся. Его еще никогда не оставляли дома одного. А особенно – одного вместе с почти чужой девочкой. А особенно – на необитаемом острове.

– А мама? – спросил Петя, забыв, что у него нет мамы.

– Мама придет нескоро, у нее на работе тоже важные дела, – виновато развел руками дедушка. – А у папы вообще на фирме запарка. Петя вылез в океан и нахмурился:

– Почему у всех важные дела, а у меня, что ли, нет?

Вика молчала. Она внимательно осматривала комнату.

– А как же мамин подарок? – вспомнил Петя.

Дедушка сам говорил, что подарки – важное дело.

– А... а пусть тебе Вика поможет его доделать! – предложил дедушка. – Она большая, они в школе уже все это проходили.

Вика независимо откинула за спину вторую косичку и снисходительно кивнула:

– Мы в школе уже почти все проходили! Делать мамину открытку с вот этой девочкой вместо дедушки?!

– Если проголодаетесь, на кухне есть блины, а в холодильнике – салатики. И суп можно в микроволновке разогреть. И постарайтесь не ссориться. А потом покажи Вике новые мультики, хорошо?

– У нас нет новых мультиков! – буркнул Петя. – А старые я уже наизусть знаю.

Котенок осторожно высунул мордочку из-под дивана и наклонил голову в знак солидарности.

Наверное, он тоже не хотел смотреть старые мультики. Дедушка на мгновение задумался.

– Погоди-ка, погоди-ка, – пробормотал он, – минуточку...

Новые мультики оказались на антресолях. Дед вручил Пете новенькую коробку, убрал стремянку в чулан, и они с тетей Мариной ушли. Даже, видимо, уехали, потому что дедушка сунул во внутренний карман куртки права, которые никогда не брал с собой, если, например, шел за хлебом...

4. Ёлка, которая пароход

В десять пятьдесят семь Вика и Петя остались в квартире одни.

– Ну, что там тебе надо помочь, неумеха? – спросила Вика.

– Ничего не надо! – вспыхнул Петя. – Я сам в сто тысячу раз лучше тебя все сделаю!

Вика пожала плечами:

– Ну и пожалста! Тогда я пойду пока блины есть.

И она по-хозяйски удалилась на кухню. Полосатый котенок подумал-подумал и увязался за ней.

Петя закусил губу, взял зеленого кота и пошел делать открытку назло Вике в сто тысячу раз лучше, чем у них в школе.

Он с энтузиазмом разложил на листе готовые детали. Два три-угольника – елка... Три кружка – снеговик... Открытка получалась пустой и скучной.

Петя взял синий лист и вырезал из него небо. Небо получилось большое, больше, чем открытка.

– Это ничего, небо и должно быть большое, – объяснил коту Петя. – Оно же бескрайнее.

Кот деликатно промолчал.

– Я его сначала приклею, а потом отрежу лишнее, – объяснил Петя.

Кот подумал, что это очень кре-а-тив-ная идея.

Клея не было ни на столе, ни в столе, ни даже под столом. Петя рассердился, обиделся и решил сделать самую лучшую в мире открытку не только назло Вике, но и назло бабушке! Вот так! А вместо клея использовать варенье. Или шампунь. Или... точно! Лучший в мире клей – мамин лак для ногтей. Он даже с кисточкой!

Клей оказался белый и вонючий, но зато клейкий. Петя прижал небо руками и торжествующе посмотрел на кота. Кот улыбнулся.

Лишнее небо Петя с одной стороны отрезал, а с другой – оторвал. Кот посмотрел на оторванное небо, но ничего не сказал.

– Ничего, тут елка будет, – отмахнулся Петя. – Это будет высокая елка, до неба.

Елка приклеилась – до неба. В общем, получилось неплохо, но внизу под елкой оставалось много места... Ну и что? Как раз для снеговика. Он будет стоять перед елкой.

Снеговик приклеился – перед елкой. Теперь открытка была то что надо. Петинамама будет очень довольна. «Даже жалко, что у меня нет мамы...» – подумал Петя, разглядывая открытку. Он захотел побежать показать открытку бабушке, но вдруг вспомнил, что бабушки у него теперь тоже нет.

– Надо сделать солнышко! – напомнил Пете кот. – Если ребенок на каждом рисунке изображает солнце, это нормальная реакция.

– А это не ты сказал, а психолог! – Петя обиделся на повторяющего чужие слова кота. – Он это маме говорил, пока я в коридоре сидел. А подслушивать – нехорошо! И никогда так больше не делай!

Коту стало стыдно, и он выкинулся со стола на диван, мордой вниз. А Петя стал вырезать солнце и лучики.

– Солнце – это фигура круг, – объяснил Петя снеговика, когда кот улетел. – А лучики – это угольники. Они просто-угольники, потому что у них просто углы, а не три угла. Если угла три, то это три-угольник. Вика это учит-учит в школе, а я уже все выучил!

Солнце получилось замечательное. Но небо тоже было замечательное. Пете жалко было клеить солнце на и без того такое красивое небо. Он решил приклеить его на свободное место, внизу, справа от елки и снеговика.

– Зимой солнце стоит низко, – вспомнил Петя. – И тени поэтому длинные.

У снеговика как раз была длинная тень – клей размазался.

Петя приклеил низкое зимнее солнце и лучики. Потом добавил тени снеговику и елке. Он хотел сделать снеговику руки, глаза и нос морковкой, но очень устал.

– Я стою лицом к елке и смотрю на елку, поэтому моих глаз и морковки не видно! – успокоил его снеговик.

– А руки?

– А руки я на груди скрестил.

– Ну, тогда ладно.

Петя критически посмотрел на открытку. Если бы это было лето, то внизу можно было бы наклеить зеленую траву. Но клеить белый снег на белую открытку было глупо. Еще можно было внизу написать: «Дорогая мамочка, я тебя очень люблю, с Новым годом!» – или что-то вроде того. Но Петя не помнил точно, в какую сторону пишется буква «р» и еще остальные нужные буквы. Он взял открытку и пошел хвастаться Вике.

Вика аккуратно доедала предпоследний блин напололам с вареньем.

– В банку нельзя ложкой лазить, – сказал Петя.

– А чем можно? – удивилась Вика. – Што ли вилкой?

– Своей ложкой нельзя. Вика фыркнула:

– А я своей ложкой и не лажу! Это ваша ложка, вот, смотри!

Вика продемонстрировала Пете вылизанную ложку и опять опустила ее в банку:

– Больше мне делать нечего, в гости со своей ложкой ходить!

Петя молча забрался на табурет с другой стороны стола и положил перед собой открытку. Вика вытянула шею и посмотрела на Петину работу.

– Хорошая картинка, – наконец одобрительно сказала она. – Ты молодец. А почему у тебя пароход зеленый?

– Какой пароход? – растерялся Петя.

– Ну, вот этот! – Вика уверенно ткнула пальцем в елку.

– Ты что, дура?

– Сам ты дурак. А пароход у тебя зеленый. Таких не бывает!

«В жизни никогда не буду дружить с девочками!» – немедленно решил Петя.

– Солнце у тебя желтое, море синее, дым из трубы, ну вообще-то ладно, серый или голубой... Кружочками... Это нормально, – спокойно продолжала Вика. – А пароход лучше всего было сделать красный!

Петя молчал. Такой глупой, которая елку с пароходом путает, лучше совсем ни разу не отвечать!

– Ладно, пусть зеленый. – Вика вылезла из-за стола, поставила свою тарелку в мойку. – Зато твоя мама варенье вкусное варит.

Петя молчал. Но Вика этого молчания словно и не замечала. Она мыла свою тарелку и спокойно болтала:

– А я варенье не умею варить. Я маме так помогаю: посуду мою, уроки делаю и белье вешаю сушиться. И еще с бабушкой разговариваю. Моя бабушка раньше тоже варенье варила, особенно вишневое. Когда в деревне жила. У нас в деревне малины много и вишни. За вишней смотреть как бы не надо, а малина вообще – сорняк. Не то что клубника.

Котенок забрался на свое любимое место – круглый пуфик под окном, тоже в виде котенка, – свернулся калачиком и зевнул. «Все-таки почему она назвала мою елку пароходом?» – думал Петя.

– За клубникой нужен постоянный уход. У вас в деревне есть клубника?

– Да, – зачем-то соврал Петя и тут же рассердился на себя за то, что решил не разговаривать, и вот, разговаривает.

– Все равно у моей бабушки клубника лучше. И у нее усы длиннее.

– У твоей бабушки есть усы? – удивился Петя.

– Ты точно еще маленький! – покачала головой Вика, вытирая руки после мытья посуды. – Усы – у клубники... Но вообще-то у моей бабушки тоже есть усы. У нее раньше усов не было. А потом она заболела и стала Бабой-ягой, и у нее теперь есть усы. Ты что, мне не веришь?

Петя верил Вике наполовину. В бабушку, которая стала Ягой, он верил. А в то, что у клубники бывают усы – нет.

– Теперь пошли новый мультик смотреть! – решила Вика.

5. Неродной

В одиннадцать двадцать ребята подошли к телевизору.

– Я вскрою упаковку, а ты пока включи телик!

Вика подошла к столу и взяла ножницы. А Петя привычно щелкнул сначала одним пультом, потом другим.

– Ты что, красил ногти лаком?! – обалдела Вика, заметив открытый флакончик. – Это только плохие мужчины так делают! Я все твоей маме скажу! Она тебя по попе набьет и в угол поставит!

– Меня мама никогда в угол не ставит и вообще не наказывает!

– А что она делает? – удивилась Вика.

– Плачет, – признался Петя.

– Долго?

Вика смотрела на Петю с неподдельным любопытством. Петя заметил, что у Вики ресницы коричневые, а не черные, и брови тоже. А глаза – такие большие и круглые, похожие на тети-Маринины.

– Иногда всю ночь.

«Я сейчас соврал или нет?» – подумал Петя.

– Всю-у но-очь? – Глаза у Вики стали еще больше и круглее. – Ужас какой! Я в углу от силы полчаса стою, и то даже, если как бы плачу и говорю, что больше не буду, то минут десять. Больше мама не выдерживает. А тут – всю ночь!

– Иногда еще и утром до обеда, – сказал Петя.

«Теперь уж точно соврал!» – мысленно вздохнул он. А может, и вправду его Петина-мама когда-нибудь плакала до обеда?

– Лучше бы она тебя в угол ставила, – посочувствовала Петинной маме Вика.

Петя кивнул. Конечно, лучше полчаса постоять в углу, чем плакать всю ночь и до обеда.

– А один раз она плакала всю ночь, утром, до обеда, и после обеда до ужина.

– Врешь...

– Дедушку спроси, если не веришь!

Вика смотрела на Петю с открытым ртом и верила.

– А что ты тогда нахулиганил?

– Я... тогда... нахулиганил... – Петя лихорадочно вспоминал фильм про хулиганов-беспризорников, который они с дедом смотрели несколько дней назад. – Я курил!

– Ого!!! – Викины круглые глаза засияли, как два огонька с елочной гирлянды.

Петя скромно пожал плечами.

– За это точно можно по попе, – тоном знатока заявила Вика, подходя поближе. – А сигареты ты украл или купил?

Теперь Вика стояла так, что ее глаза были против света и не сияли. Зато сияли на фоне окна Викины волосы, на макушке и вокруг головы, кроме косичек. Петя подумал, что «украл» – это будет слишком. У кого он мог бы украсть сигареты? У них дома никто, даже папа, не курит.

– Купил.

Один раз он покупал сам хлеб, вместе с бабушкой. И еще один раз – мороженое, с папой. В общем, сигареты он тоже купил.

– А деньги-то украл? – уточнила Вика.

– Украл, – тяжело вздохнул Петя.

Вика сделала еще шаг, и теперь уже в ней ничего не светилось, ни глаза, ни волосы. Теперь это была обычная взрослая девочка, не очень красивая, зато очень настоящая. Петя даже подумал, что с такой девочкой вполне можно вместе жить на его необитаемом острове. А рыбы в океане и на двоих хватит!

– Ты укра-ал деньги... И потом курил...

С Викой будет намного интереснее жить на острове, чем с котом, это точно. Только вот сможет ли она питаться сырой рыбой?

– Если бы я была твоей мамой, – очень серьезно сказала Вика, – то я бы не стала плакать всю ночь до ужина. Я бы тебя набила как следует и поставила бы в угол! И почему твоя мама так не сделала... не понимаю! Почему?

– Я скажу тебе правду, только это секрет, – волнуясь, произнес Петя. – Ты его никому.

– Клянусь! Глаза у Вики опять загорелись. Хотя солнце за окном к этому моменту спряталось за тучи. Петя на какую-то долю минуты засомневался: говорить Вике про свой остров, на котором он живет совсем один, или... Надо постепенно сказать, так легче. Начать не с острова, а...

– Ну клянусь, клянусь же!

– Не, «клянусь» не надо, а вот... Ты могла бы съесть сырую рыбу?

Вика уже однажды клялась во дворе «на землю» и знала, что если съесть ма-а-а-ленький кусочек, то проглотить можно все что угодно, это не очень страшно и ради тайны вытерпеть можно. Рыбу так рыбу.

– Если по кусочкам, то могу, – уверенно ответила она. – Говори секрет.

– У меня... где я живу... где я по-настоящему живу... там... там у меня нет мамы.

– Как нет?

– Так.

– Совсем?

– Совсем. Но это еще не все...

Петя думал, с чего начать рассказ о своей настоящей жизни на острове. Может, с того, что до него надо плыть, или...

Петя молчал, собираясь с мыслями. И тут до Вики дошло. Она вскрикнула и прижала ко рту ладошки лодочкой. А глаза ее засветились окончательно, превратились в два родника и побежали ручейками вниз на ладони.

– Ой, Петенька... Значит, ты детдомовский? Или подкидыш? А папа у тебя тоже неродной? И бабушка? А ты совсем сирота, да? Один на всем белом свете?

– Один на всем необитаемом острове, – кивнул Петя.

Вика вдруг села на пол и заревела в голос. Один-одинешенек, как на необитаемом острове! Петя стоял рядом дурак дураком. Он не очень понимал, что случилось. Потом ему показалось, что кто-то звонит в дверь, и он выбежал в прихожую. А когда вернулся, Вика уже почти успокоилась. Она сидела посреди океана, как русалка, и теребила косичку. Косичка медленно расплеталась.

– А твоя мама знает, что ты знаешь? – всхлипнула Вика.

– Что знает? – не понял Петя. Вообще-то его Петинамама знала, что он любит жить в шкафу на необитаемом острове. Может, Вика о том, знает ли мама, что ее нету и что она – антиволшебница? Про антиволшебницу нельзя говорить!

– Ну, что ты – ее неродной сын, – пояснила Вика. – Что из детдома?

Что?! Что он – мамин неродной сын?.. Петя не нашелся, что ответить.

– Понятно... – вздохнула Вика. – А вообще-то я давно догадалась, что ты – приемыш. Во-первых, ты на родителей не похож. Во-вторых, родных детей, например, можно в угол ставить. Они же свои. А неродных – нельзя обижать. Сирот вообще обижать грех. В общем, ты неродной...

Так в одиннадцать тридцать шесть Петя узнал, что он – неродной ребенок.

6. Дед Мороз

В одиннадцать тридцать семь Вика сказала:

– Ты не переживай, что у тебя мамы нет и что она неродная. Зато она блины делает и варенье. А у меня бабушка только под себя делает и вообще – Баба-яга.

– Как это – под себя делает? – не понял Петя. – Варенье под себя делает?

Вика засмеялась. Одновременно с этим она вытерла рукавом последние слезы и встала с пола.

– Чудной ты. Сразу видно, что у тебя мама неродная, ты жизни не знаешь. Она какашки под себя делает.

Петя покраснел. Раньше он не краснел, когда слышал неприличные слова. А недавно вырос – и стал краснеть.

– Хочешь посмотреть?

– Прямо сейчас?

За ушами потовых желез меньше всего, но Петя вспотел сначала за ушами. А потом уже весь целиком.

– Нет, не хочу. Давай сначала мультик посмотрим...

В одиннадцать пятьдесят пять стало ясно, что мультик они не посмотрят. Хотя Петя и уверял, что сто тысячу раз сам включал мультики, хотя Вика уже все выучила в школе, что полагается, но мультик на экране почему-то не появлялся.

– У вас телик испорченный, – вынесла вердикт Вика.

– Нет! Он целый!

– Значит, диск испорченный. Давай другой мультик смотреть.

Но Петя наотрез отказался смотреть старые мультики. Вместо этого он залез в шкаф, отвернулся и стал там сидеть и ни о чем не думать. А Вика стала ходить по квартире и все рассматривать. Хоть они и соседи, она редко тут бывала. В предпоследний раз – на прошлый Новый год, когда Петин дедушка наряжался Дедом Морозом. Потом еще раз с мамой заходила. А летом, когда у Пети был день рождения, она, как назло, болела ветрянкой.

Петя жил в шкафу, ни о чем не думал и краем глаза видел, как Вика вывалила из коробки его игрушки и стала собирать железную дорогу прямо посреди океана. Вот глупая! Пете было не жалко, что его дорога утонет. Пусть тонет! Теперь ему не нужны игрушки, он больше никогда не вылезет из шкафа. Так и будет жить на острове.

Зачем ему теперь вылезать? Раньше у него и так, конечно, мамы не было, но это на острове не было, а вообще в жизни была Петинамама, родная и хорошая, хоть и антиволшебница. А теперь... Теперь ему вылезать незачем. Мамы у него нет, и она неродная. Раз даже за украденные сигареты его в угол не поставили, как со всеми родными детьми делают... Ну, то есть не за украденные сигареты, а за украденные деньги и выкуренные сигареты...

Зачем ему вылезать? Он вообще никому не нужен, даже дедушке, который ушел. Катается теперь с ушибленной тетей Мариной на машине. И вообще...

Петя хотел заплакать, но у него не плакалось. Тогда он вспомнил, что он – мужчина. И понял, что не плачет не потому, что почему-то не хочется, а потому, что – мужчина. Это его обрадовало.

Вика упорно собирала в океане железную дорогу. Одна ее косичка расплелась окончательно, и занавеска золотистых волос висела над недостроенной железной дорогой. С установкой семафора возникли проблемы. Вика пыталась установить его прямо на развилке, а надо было – до развилки.

– Вика, а для чего ты – Вика?

– Что?

Петя не стал повторять свой вопрос, а вылез в океан и помог установить семафор.

В двенадцать восемнадцать паровозик с двумя вагонами отправился в путь.

Они были начальниками по очереди и даже почти не ссорились. Петя иногда вспоминал, что он – мужчина. А Вика его жалела, потому что он – неродной. И они не ссорились.

В двенадцать двадцать девять Вика опять предложила посмотреть мультик.

– Он же не работает.

– А мы другой посмотрим.

– А я старые не хочу.

– А мы другой новый возьмем.

– Где возьмем?

– На антресолях. Я видела, откуда твой дед достал.

– Я тоже видел.

– Так, может, там еще есть.

Они подтащили стремянку. Петя полез наверх, а Вика осталась внизу, чтобы страховать и переживать. Котенок нехотя приоткрыл один глаз на шум, но тут же прикрыл его обратно. Потянулся, свернулся в другую сторону и замер.

– Тут нет мультиков.

– А что есть?

– Коробки большие разные. Один, два, три. Три штуки. Одна с елкой, одна с елочными игрушками и еще одна не знаю с чем.

– И все?

– Еще пакет какой-то. Огро-о-мный.

– Давай в пакете посмотрим.

Петя послушно передал вниз пакет. И сам слез. В пакете оказался новенький конструктор «Лего». Из него можно было собрать большой пиратский парусник с пиратами и пушками. И мачтами.

– Ничего себе... – произнес Петя. – Я о таком у Деда Мороза просил... А он, оказывается, у нас дома есть. А от меня его спрятали...

– Это, наверное, потому спрятали, что ты себя плохо вел, – предположила Вика.

– Я хорошо себя вел!

– Ты курил и деньги воровал!

– Но я не ку... Нет! Это не из-за этого! Я точно знаю.

Петя крутил в руках коробку, и губы его дрожали очень конкретно.

– Значит, это потому, что ты – неродной, – объяснила Вика. – И это конструктор не для тебя.

И она решительно сунула коробку с конструктором обратно в пакет. Чужие вещи брать нельзя!

– Может быть, у твоей мамы есть другой сын, родной, и это для него.

– Нет, такого не может быть! – твердо сказал Петя, перестав дрожать губами. – Нет! Нет! Ни за что!!!

Он подошел к столу, взял последний оставшийся блин и стал его механически жевать. А дожевав, сказал:

– Ну и пусть я неродной. Но это все равно для меня подарок. Для меня. На Новый год. От Деда Мороза. Деду Морозу трудно таскать подарки всем детям, это же целый вагон подарков. Вот он и разносит заранее по квартирам. А потом, когда приходит, берет и дарит.

Вика только ухмыльнулась.

– Ты что, до сих пор в Деда Мороза как бы веришь? Ты что, когда-то видел настоящего Деда Мороза?!

– Сто тысячу раз видел. Он ко мне в прошлом году на елку приходил. Со Снегурочкой. Ты же сама тогда у нас была, на елке! Ну, што ли, не помнишь? Ты еще ему в шубе пингальским огнем дырку прожгла.

Вика выразительно покрутила у виска пальцем.

– Петя, ты точно дурак. Снегурочкой тогда я не знаю, кто был. А Дедом Морозом нарядился твой дедушка. А огонь называется бенгальский. Потому что он сделан на бен-зине.

Петя расхохотался.

– Это ты дура. На бензине огонь нельзя делать, сразу взрыв будет. Мне папа это сто тысячу раз говорил. Вот увидишь, этот подарок мне подарит на Новый год настоящий Дед Мороз. Он есть! Он мне его под елку принесет!

– Не принесет под елку.

– Почему?

– Потому что у тебя елки нету! Ага, съел!!! Петя нахмурил лоб. Точно. Елки нет. И мамы нет. И папы. Бабушка вообще на полгода уехала за каким-то новорожденным смотреть. А дед на машине с тетей Мариной катается. Но какой же Новый год без елки? На такой Новый год Дед Мороз не придет, это точно.

– Давай сами нарядим елку! – решил Петя.

– Ура!!! – обрадовалась Вика. Петя решительно залез на стремянку. Длинную коробку с елкой удалось выволочь почти без труда. Коробку с елочными игрушками они с Викой чуть не уронили на пол. Хорошо, что Вика сообразила залезть на пирс и помочь, подхватить вовремя. Третью, последнюю, коробку они тоже спустили на пол.

– Кажется, в ней гирлянды, – сказал Петя.

– Гирлянды, – поправила Вика.

В третьей коробке оказался костюм Деда Мороза с прожженной бенгальским огнем шубой. В отдельном пакетике, в шапке, лежали усы, брови и борода. Ненастоящие, на резиночках.

Так в двенадцать сорок девять Петя узнал, что Деда Мороза на свете не существует.

7. Шторм в океане

Вика наряжала елку, а Петя опять сидел в шкафу, на своем острове. С котом. Кот был настоящий, проверенный временем. Не то что Дед Мороз.

Елка была не очень большая, чуть выше Вики. Эту елку обычно ставили в другой комнате, это была вторая елка. А в этой комнате полагалось стоять первой, живой елке. Но если Дед Мороз дедушка, то не все ли равно, какая елка?

Вика долго-долго раскладывала игрушки на паласе в несколько рядов. И они не тонули в океане, потому что океан был полом. В первом ряду лежали шары. Самые крупные. Во втором – средние шары. Потом – фигурки.

На елке пока висел – как-то по диагонали – только один дождик.

– Ойки, какие пингвины! – восхитилась Вика. – Я таких никогда не видела, даже в магазине. Откуда?

Петя вылез из шкафа:

– Дедушка принес. Давно... Перед тем как нарядиться Дедом Морозом!

– Вот бы мне на елку таких...

– Бери.

– Можно?

– Можно.

– Спасибо... А тебя мама не наругает?

– Нет. Я же тебе сказал: она меня никогда не ругает. И не наказывает. Это, наверное, раз она у меня неродная.

Вика стала рассовывать пингвинов по карманам. Пингвины на самом деле были необычные: ан-тик-варные. Петя мельком вспомнил рассказ деда о семейных пингвинах, но его больше не интересовали чужие семейные истории.

– И дедушка у меня тоже неродной. Ты же знаешь. Он Дедом Морозом работает. Вот сейчас он знаешь где? Он вместе с твоей мамой других детей поздравляет. Мой дед – Дед Мороз. А твоя мама – Снегурочка.

– Глупости! – Вика поняла, что пятый пингвин в карман никак не влезет, присела на корточки и стала искать среди украшений подходящую тесемочку. – Моей маме сегодня срочно операцию должны сделать. А потом она вернется домой, хотя по-хорошему ей надо полежать в больнице... Во-первых, чтобы меня с Бабой-ягой ночью не оставлять. А во-вторых, потому, что уже начинаются новогодние праздники, и в больницах все равно лежать без толку, на Новый год врачи все уходят домой.

Подходящая ленточка нашлась, проделась в петельку и затянулась узелком. Вика повесила пингвина себе на шею и поднялась на ноги:

– Это мой новогодний талисман! Прикольно?

– Кре-а-тив-но! – выдавил Петя.

Вика посмотрела на него с уважением, как на взрослого. Она не знала, что такое «креативно», и не знала, что Петя не знает, что такое «талисман». И смотрела с уважением. Петя скромно отвел глаза в сторону, и его взгляд упал на злополучный костюм Деда Мороза. Костюм плыл по волнам океана недалеко от китайского острова. Петя почувствовал, что и сам плывет вместе с костюмом. Наверное, в океане сегодня был шторм, потому что Петю качало и накрывало невидимыми волнами. Вика что-то сказала, но за шумом волн Петя ее не услышал. Он вдруг понял, что надо срочно бежать отсюда, и неважно куда.

Не произнося ни слова, Петя взял Вику за руку, и они побежали.

– Эй, ты куда? Ты что?

В тринадцать тринадцать они оказались на кухне. Вика выдернула руку и поправила пингвина в кармане, который чуть не вылетел по дороге, когда они наткнулись на неубранную стремянку.

– Ты что, обедать срочно хочешь? Тебе супу нагреть?

Петя не хотел обедать.

– А может, салатику?

Петя и салатику не хотел. Но Вика уже открыла холодильник и изучала его содержимое.

– Ого, у вас тут икра есть! Черная! Давай я тебя икрой накормлю!

Петю все еще немного мутило от пережитого только что шторма, так что икру он тоже не хотел и Викиного энтузиазма не разделял.

Тут, на кухне, тоже слегка штормило, потому что на столе покачивалась открытка-елка, которую Вика посчитала пароходом, который Петя рисовал для неродной мамы вместе с дедом, который притворялся Дедом Морозом, которого на самом деле и не...

Сильнее всего качало на пуфике-котенке спящего живого котенка, почти слившегося с пуфиком. Петя понял, что и он сейчас сольется с чем-нибудь. С кухни тоже надо было бежать. Куда-нибудь далеко, за леса и горы, хоть к Кощею, хоть куда, хоть...

– Я хочу увидеть Бабу-ягу!

Вика стояла с банкой икры в руках и читала, что на ней написано.

– Дорогушая, наверное... Ты ее пробовал?

– Я хочу увидеть Бабу-ягу!

Вике было очень жалко ставить банку с икрой обратно в холодильник.

– Давай я накормлю тебя икрой и салатиком, а то ты с утра ничего не ел. А потом пойдем к Бабе-яге.

– Сейчас пойдем! Сейчас! Вика напрягла лоб.

– Ладно. Но потом ты сразу поешь. Так что салатики и икру мы возьмем с собой. И ты у нас дома поешь.

Петя был на все согласен, лишь бы поскорее. Вика вручила Пете миску с салатом, на нее положила пакет с виноградом, на пакет водрузила найденные в холодильнике же пирожные. А сама взяла икру и пакет сока.

– Пошли!

В тринадцать девятнадцать они вышли на лестничную площадку.

8. Баба-яга

Петя никогда раньше не заходил к Вике. Оказалось, что у них всего одна комната. Баба-яга лежала на кровати, в дальнем углу, на спине, и храпела. Усов у нее вроде не было. И какашками нигде не пахло. Пахло какими-то лекарствами. Петя на всякий случай не стал подходить близко. Вика отобрала у него еду, отнесла на кухню и вернулась.

– Она всегда-всегда спит? – шепотом спросил Петя.

– Нет конечно. Хочешь, разбужу?

– Не надо! – Петя испугался. – Пусть спит.

– Мы ее днем часто будим, а то потом ночью разгуляется, нам спать не даст.

Петя несмело прошел поближе к окну. У окна стояла елка.

– Мы с мамой заранее нарядили, – похвасталась Вика. – Правда красиво?

– Красиво. А почему у вас пианино посередине комнаты?

Черное большое пианино стояло торцом к стене, клавишами к окну. За его спинкой так же торцом к стене стоял узкий диванчик.

– Так мне играть удобнее, я же хожу на музыку, и у меня успехи. И потом, тут, за пианино, мамина комната и Бабы-яги, – объяснила Вика. – А тут, у окна, – моя. Тут я сплю, а тут мой стол.

– А мама где спит?

– Тут.

– А папа тогда где?

– Папа у меня есть, только он где-то в другом городе спит, – объяснила Вика. – И это хорошо.

Петя представил себе, как его папа каждый вечер едет в другой город, чтобы там спать. Он представил, как папа долго стоит в пробке на большой страшной дороге, потом, зевая, смотрит на бесконечное, темное и мокрое шоссе и держится за руль, ругая дорогу и дураков, которые ее делали...

– Нет, это не очень хорошо! – возразил Петя. – Мы один раз ездили в другой город, в Москву, чтобы там ночевать. Так что я знаю. Ничего хорошего.

Вика пожала плечами. Потом она стала доставать из карманов пингвинов и вешать их на елку.

Вдруг Баба-яга громко хрюкнула и открыла глаза.

Петя вздрогнул.

Баба-яга повернула голову и посмотрела на Петю.

Петю затрясло.

– Ты кто? – хрипло, едва разборчиво спросила Баба-яга.

Петя хотел ответить, но во рту у него предательски пересохло.

– Бабушка, это я, Вика! – прокричала Вика, не отрываясь от своего занятия.

Петя второй раз вздрогнул, сквозь тряску. Это была настоящая Баба-яга!

– Если спросит про тебя, скажу, что ты моя подруга, – прошептала Вика Пете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.